

«Пожилые люди ещё за год-два до июня 41 года говорили, что войны не миновать», — пишет в своих воспоминаниях Бегаева Зоя Ивановна, участница Великой Отечественной войны.

«Схлестнутся в кровавой битве красный и чёрный петухи. Красный, СССР, победит», — так говорили на улице многоопытные старики. И даже когда пришла беда, многие верили, что уже едва ли не завтра война закончится, враг будет разбит. Отрезвление к ленинградцам пришло только тогда, когда замкнулось кольцо блокады.

«Мы поняли, что скорой победы не будет. Я жила тогда у бабушки в Парголово. Три остановки отделяли нас от старой границы с Финляндией. До Финской войны она проходила по реке Сестра, у посёлка Белоостров. В Парголово с началом войны почти ничего не изменилось. Разве что появились первые беженцы из Ленинграда. Ни один снаряд, ни одна бомба в первое время не упали на посёлок. Подружки, которые всегда крутились в центре у клуба, где и узнавали все последние новости, прибежали с известием, что немцы бомбят Бадаевские склады. До войны о этих продовольственных складах знал весь город.

Мы прибежали на Парнас, гору в Шуваловском парке. Парк был от нас километрах в трёх, которые мы пронесли за несколько минут. Море огня разливалось над тем, что раньше было продовольственным запасом Ленинграда. Даже мы поняли, что впереди нас ждёт беда. Так и оказалось, уже на следующий день ввели продовольственные карточки. Нормы продуктов, которые отпускали по карточкам, уменьшались и уменьшались. В городе уже наступал голод. Нас пока спасал свой земельный участок, где росла и картошка и овощи. Бабушкины заготовки — грибы, ягоды — были большим подспорьем. Таких вкусных грибов я больше никогда не ела. Только бабушка умела так их готовить, с чесноком и укропом. Запах стоят по всей округе.

Спасали бабушкины заготовки не только нас. Друзья из Ленинграда с трудом, но добирались к нам в Парголово, чтобы немножко отъесться. Даже зимой люди были согласны жить в холоде в летней половине дома. Пришло сообщение, что папу отправляют на фронт. Он уже жил в другой семье, в Ленинграде. Я с трудом успела к поезду, на котором папа уезжал на фронт. Ему уже тогда было почти пятьдесят лет.

Он плохо видел, прихрамывал. Попал папа на Карельский фронт, почти сразу же получил ранение. Осколками посеколо ноги. Госпиталь в Петрозаводске захватили финны. Уже после войны из Финляндии получили ответ на наш запрос. Сообщали, что папа умер в концлагере.

Помню окно на третьем этаже красивого старинного дома в Кузнечном переулке, которое мне показала мама. В этой комнате, сказала мама, я родилась. В городе всегда были трудности с жильём, а папе эту комнату дали как премию за ремонт в Мариинском театре. Маленькой я часто болела, поэтому родители переехали в Парголово к бабушке.

Однажды за хлебом пошла девятилетняя сестра. Выкупила хлеб, а остальные карточки сунула в рукавицу. Не заметила, что за ней идёт мальчишка, который сорвал с руки рукавичку с карточками и убежал. Тогда это происходило часто. Кто-то воровал карточки, кто-то хватал с прилавка довесок хлеба — и сразу в рот. Таких люди били. Его бьют, а он жуёт хлеб и плачет. Пришла домой сестра в слезах. Это была трагедия. Бабушка сказала, что ей теперь нужно умереть, так и произошло. Через несколько дней она умерла. Соседка, зная, что мы умираем с голода, принесла салат из травы. Мама решила сначала попробовать съесть сама. Было расстройство желудка, мама умерла в больнице. Похоронили маму в братской могиле. Потом умерла и эта соседка. Ещё одна соседка, умирая, призналась, что это она съела нашего кота. Сестру с детсадом эвакуировали в Сибирь.

Сейчас я задумываюсь, а почему никто не вспомнил о козе, которая жила в сарае, когда умирали от голода мама и бабушка. Ведь её мясо могло спасти их. Может, потому, что не было уже рядом мужчины, который мог козу забить? Женщины этого делать не умели. У нас все умирали, один за другим. После бабушки умер брат, съев какую то гадость. Потом умерла бабушкина сестра. Её привезли к нам родственники, когда эвакуировались из Ленинграда. Макаровы, Лаптевы, Беловы... Почти все умерли.

Помню, как мама, в блокадный голод и холод шутила, говоря, что мы такие богатые, у нас есть целое море Лаптевых. Не море в то время было богатством, а кусочек хлеба...

Заканчивались бабушкины запасы, исчез из погреба даже семенной картофель. Я перебралась жить ко второй папиной жене на восьмую линию Васильевского острова. Там пошла в школу, которая работала даже в блокаду. Школа номер 33.

Обстрелы всегда начинались неожиданно, а о налётах бомбардировщиков нас предупреждали по радио, мы его никогда не выключали. Помню, как объявили воздушную тревогу, одиночный бомбардировщик прорвался к Ленинграду и летит в сторону Васильевского острова. Зенитки почему-то не стреляли, стояла тишина. Вскоре я услышала гул бомбовоза, который нельзя было спутать ни с чем. Самолёт летел прямо над нашим домом. Я часто ругала бабушку, когда та начинала молиться и креститься: Бога нет! Но сейчас и сама стала читать молитву. Раздался страшный грохот, наш дом заходил ходуном. Утром по пути в школу я увидела развалины дома, куда ночью попала бомба. Угол Среднего

проспекта и Шестой линии. Женщины из отряда ПВО уже успели убрать обломки с тротуара.

Тогда я и поняла, почему бабушкины постояльцы были готовы терпеть холод и голод, только бы не слышать этот страшный гул бомбардировщиков. Весной сорок третьего года были созданы пионерские трудовые отряды для работы на земле. Нашу школу направили в совхоз «Каменка». Это было относительно тихое место, здесь почти не было обстрелов.

Встретили нас хорошо. Чистые домики, постельное бельё. А главным был паёк по рабочим нормам. Сейчас за один раз и не съесть четыреста граммов хлеба, а тогда изголодавшиеся дети запросто съедали. Колхоз в обед кормил борщом и кашей, давали сладкий чай. Работали мы с удвоенной силой, понимая, как нужны Ленинграду овощи. От прополки и до сбора урожая трудились весь световой день. Всего двое школьников были в сорок третьем году награждены только что появившимися первыми медалями «За оборону Ленинграда». Я была одной из них».

Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 11 (860), 4 апреля 2019